

Когда в титрах фильма возникает фамилия «Мартинсон», люди улыбаются. Поэтому что знают: встреча с любимым актером сулит радость.

Когда, готовясь к встрече с Сергеем Александровичем, просматривал его фильмографию, то вдруг обратил внимание на то, что большинство его киногероев... злодеи. Люди, делающие зло. Почему же, подумал, он так популярен среди зрителей, так любим ими? Ведь и то правда, что зрители часто отождествляют личность сыгранного актером персонажа с самим актером. Особенно ребята. Сколько раз, например, замечательному киноактеру Файту, добрейшему, к слову сказать, в жизни человеку, мальчишки свистели вслед и кричали: «Шпион! Бандит!».

И я вспомнил, как однажды мой сын (было ему в ту пору лет 6—7) сказал после фильма «Золотой ключик», в котором Сергей Александрович сыграл Дуремара: «Совсем он не злой, этот Дуремар, он несчастный».

И вот я в гостях у С. А. Мартинсона. В гостях у актера, о котором писали лучшие наши критики, которого высоко ценил такой выдающийся мастер, как Всеволод Эмильевич Мейерхольд. В гостях у актера, о работах которого не раз восторженно отзывались его зарубежные коллеги, сравнивая искусство Мартинсона с искусством Ч. Чаплина, М. А. Чехова...

Сергей Александрович рассказывает о себе:

— Когда впервые рассмешил зрителей? В детстве. Изображал женщин. Юбка, платок, походка, голос, манеры... Все собралось — так мне казалось — в образ. Смешно ли это было? Кто знает? А может, взрослых веселила сама попытка мальчика изобразить женщину? Я люблю смотреть, как кого-то или что-то изображают дети, это всегда смешно.

А когда на вступительных экзаменах в Ленинградской школе сценических искусств я читал монолог... Бориса Годунова, комиссия хохотала. А я не понимал почему. Был уверен, что Годунов — это мое. Говорят, Пуговкин на экзаменах в школу-

студию МХАТ читал Пушкина — «Мой голос для тебя — и ласковый и томный...». Могу себе представить, как это выглядело со стороны.

— И так, вы однажды и навсегда вошли в искусство как комедийный актер...

— Почему же? Мне не раз доводилось играть далеко не комических персонажей.

СУББОТНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ СЕРЬЕЗНО...

Да и те из них, кто пребывал в комедии, были смешными лишь со стороны. По первому, что ли, взгляду. А по сути — часто драматичными. Просто так случилось, что в кино я чаще всего снимался в комедиях. И, к слову сказать, нисколько об этом не жалею, потому что люблю этот жанр, он для меня очень дорог.

— Чем же?

— Возможностью импровизировать. Это, между прочим, одна из главных трудностей работы в комедии. В ней надо все придумывать. Комедия — это неожиданность. В повороте событий, характеров. И если персонаж попадает в такие неожиданные, часто даже нелепые обстоятельства, он должен находить из них выход. И вот тут-то и начинается самое трудное и самое интересное в работе — импровизация!

— Говорят, каждый комик считает себя трагиком...

— Он просто обязан им быть! Комедия и трагедия — это то, что почти всегда рядом в жизни.

— Скажите, пожалуйста, а вы никогда не пытались убедить режиссеров в том, что вы не только комедийный актер?

— Я вообще никогда и ни в чем не пытался убедить режиссеров за кадром. Только в кадре. А вообще — разве можно убедить в чем-то режиссера, если он сам не видит этого или не хочет видеть?

— Сергей Александрович, вы начинали в комедии 20-х годов. Как за прошедшее с тех пор время изменился этот жанр?

— Раньше зрители, увидя на афише слово «кинокомедия», были убеждены, что это смешно. Теперь они часто лишь надеются на это.

— Вы можете такое как-то объяснить?

— Причин много. Раньше режиссер ставил кинокомедию лишь в том случае, когда он хохотал при чтении сценария. Теперь часто читаешь сценарий и мучительно ищешь в нем комедию, которую иные из наших драматургов научились великолепно маскировать. Так умело, что никакие порой поиски не помогают. Только вы не подумайте, я не хочу сказать банальное «а вот в наше время...». Нет. У нас есть прекрасные комедиографы — Даниеля, например, или Рязанов... Я к тому, что часто за комедию берутся все кому не лень. А ведь это жанр! И труднейший при этом. Его надо чувствовать! Я знаю о случае, когда многие зрители, не попавшие на один спектакль, приходили к концу его,

чтобы посмотреть, как смеются выходящие из театра счастливые. Вы можете назвать мне аналогичный случай?

— Изменился ли зритель за шестьдесят лет?

— Очень! Он стал грамотнее, строже. Умнее. Он требует правду в любом жанре, в любом виде искусства. Особенно молодежь с ее острейшим восприятием проблем сегодняшнего дня. Ведь неправду не только не принимают, ее не прощают!

— Раз уж вы заговорили о современной молодежи, не могли бы вы поделиться своими размышлениями о сегодняшних молодых людях?

— В них много прекрасного... и смешного, на мой взгляд.

Прекрасно то, что сохраняются традиции «предков» — так, кажется, называют современные молодые люди своих родителей? Трудовые традиции прежде всего. Желание трудиться, сделать жизнь интересней, богаче, красивей. Правда, часто не обходится без свойственного молодым некоторого максимализма. Но это пройдет. Как проходит молодость. Я это хорошо знаю, сам был молодым. Теперь о смешном. Это относится к внешним проявлениям. В одежде, например. Вы знаете, со мной часто происходят метаморфозы. Сначала мне кажется, что на улице больше парней, чем девушек, потом наоборот — что девушек больше.

— Что делать, Сергей Александрович. Мода...

— Мода — это хорошо. Но зачем же вводить в заблуждение пожилых людей? Я однажды на улице Горького назвал «милый барышней»... шахтера, как оказалось. Хорошенькое дело! А если бы шахтер оказался максималистом?.. Нет, во все времена мужчины должны походить на мужчин. Во всем. И внешне тоже. А женщинам должно все-таки напоминать слабый пол. А то форма так сбивает с толку, что о содержании уже не думаешь. Или вы считаете иначе?

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.